

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой: <https://stuservis.ru/glava-diploma/13906>

Тип работы: Глава диплома

Предмет: Языкознание

Глава III Событийность инодискурсивных составляющих политического дискурса 2

3.1. Событие и событийность как когнитивно-дискурсивная категория 2

3.2. Моделирование как основной метод исследования событийности 10

3.3. Событийные модели в политическом дискурсе 15

3.4. Основные событийные модели в современном англоязычном и русскоязычном политическом дискурсе: описательный и сопоставительный анализ 21

Выводы по главе III 28

Литература по главе 30

Глава III Событийность инодискурсивных составляющих политического дискурса

3.1. Событие и событийность как когнитивно-дискурсивная категория

Если мы обратимся к словарям, то обнаружим, что очень многие определения ото-рваны от жизненных реалий, весьма поверхностны. Вполне репрезентативным в этом смысле является следующее: «Событие - это то, что при определенных условиях может произойти или не произойти». Оно совершенно непрактично, хотя вполне подходит для задач, например, логики или теории вероятностей. Точно так же мало что дающим является набор синонимов понятия «событие» в «Словаре русских синонимов»: «явление, случай, происшествие, эпизод, факт, дело, история, казус, инцидент; пассаж, сенсация, курьез, происшедшее, экшен, прецедент, случившееся». Широко известные словари Ожегова или Ушакова также ничего не прибавляют к пониманию сути феномена событийности.

Между тем, для целей PR-практики требуется не «общее» и, тем более, не некое «идеальное», а вполне рабочее определение, которое смогло бы описать существо понятия «событие».

Событие - резкая перемена, случившаяся с человеком / организацией, или свидетелем которой он стал, связанная с деятельностью самого человека, других людей, или с воздействием природных/техногенных сил. Результатом события является обретение/потеря: жизни, здоровья, имущества, социального статуса, психологического комфорта.

Именно в случае, когда базовое понятие «событие» не продумано достаточно от-чётливо, возникает неряшливость при его использовании как термина продвижения. Как итог - отсутствие понимания того, что на самом деле делает событие событием; и, как следствие, недостаточно высокая (а зачастую и откровенно низкая) эффективность собы-тийных способов продвижения.

Базовая проблема событийного продвижения

Вот вполне стандартное понимание событийности, которое даётся применительно к одному из важнейших рабочих терминов public relations:

«Специальное событие - запланированное событие, способное стать новостью:

презентация, церемония открытия, закладка первого камня;

фестиваль, ярмарка;

встреча, круглый стол, конференция, симпозиум;

годовщина, юбилей;

день открытых дверей, экскурсия по предприятию и т.п.» .

Между тем, хотя и очевидно, что суть PR (более того, суть всех событийных спо-собов продвижения) - событийность, менее очевиден тот факт, что суть самого события - нарушение нормы (стереотипа, привычки, обыденности: чего-то одного или всего сразу из этого списка).

Нарушение проще фиксируется сознанием при условии:

деструктивного нарушения (самолёт упал, подводная лодка утонула);

неоднозначности оценки, например, события в начале 2011 г. в Ливии, когда мож-но говорить или о «революции» против «тоталитарного режима», или о «мятеже» против легитимного режима «деструктивных сил».

И вот здесь перед нами открывается базовая проблема событийного (в т. ч. PR) продвижения: позиционирование осуществляется через событие;

событие проще всего усваивается сознанием как негативно окрашенное нарушение норм; такая деструктивная привязка, как правило (хотя и не всегда: так, в сфере шоу-бизнеса работают иные законы) негативно влияет на позиционирование; в случае неоднозначной оценки - влияет неоднозначно; между тем, PR существует в разных ипостасях, включая позитивную; однако, со-гласно вышеприведённой логике, получается, что позитивный PR всегда проигрывает (должен проигрывать) негативному. Первый подход, который наиболее прост, но и наименее действенен - увязать данную организацию (личность) с тем, что безусловно позитивно, и где, тем не менее, на-лицо нарушение обыденности. Проблема в том, что такие события, особенно, когда они од-норазовы, с трудом запоминаются общественным сознанием (например, когда речь идёт о благотворительности). Другое дело, когда генерируется комплекс (серия, череда) такого ро-да социально значимых действий - в этом случае речь может идти о своеобразном «соци-альном позиционировании». Примеры позитивных вариан-тов подстройки - помощь (детям, инвалидам, пострадавшим от стихии), практически все ва-рианты спасения (от агрессоров, разгула стихии или техногенных аварий и катастроф).

Второй приём с точки зрения психологической является гораздо более выигрыш-ным - это приём использования неоднозначного события, позитивно истолкованного. Кроме того, многие PR-акции, которые можно назвать «на путинской волне» - примеры такого же рода.

Третий способ преодоления слабости «позитивной событийности» заключается в следующем. Зачастую события скорее негативны, нежели позитивны - но благодаря уме-ло заданному (найденному) контексту, например, борьбы одних сил против других, они получают позитивное звучание. То есть речь в данном случае идёт о положительном ис-толковании потенциально негативного события в пользу одной из противоборствующих сил, которой присваивается положительный знак. Именно подобную «операцию на мас-совом сознании» провели страны НАТО в 1999 году для того, чтобы начать войну против Югославии. Наконец, ещё один и, возможно, наиболее выигрышный способ решения пробле-мы слабости «позитивного позиционирования» предлагает нам искусство театра и кино. Данное положение означает, что если есть главный герой, и это - положительный глав-ный герой, то действия, которые он предпринимает (или которые ему приписывают) по-лучают также положительную окраску. Для работающего в сфере public relations в данном случае главное - найти такого «положительного главного героя», но это уже про-блема, относящаяся к другой области.

Дискурс, как любой коммуникативный акт предполагает наличие двух основных ролей - говорящего (автора) и адресата. При этом роли говорящего и адресата могут поочередно распределяться между лицами - участниками дискурса. В науке о дискурсе прослеживаются два направления исследований: первые изучают принципы и закономерности построения дискурса, вторые исследуют понимание дискурса адресатом. Существует и третье направление, в котором рассматривается процесс языкового общения с позиций самого текста, возникающего в процессе дискурса.

При изучении дискурса, как и любого естественного феномена, возникает вопрос его классификации, он касается, в первую очередь, его типов и разновидностей. Главным разграничением является противопоставление устного и письменного дискурса, связанного с каналом передачи информации.

Дискурс устроен иерархически, и для всех уровней иерархии используются одни и те же риторические отношения. В число риторических отношений входят такие как последовательность, причина, условие, уступка, конъюнкция, развитие, фон, цель, альтернатива и другие. Дискурсивная единица, вступающая в риторическое отношение, может играть в нем роль ядра. Большая часть отношений асимметричные и бинарные, то есть содержат ядро и сателлит. Другие отношения являются симметричными и необязательно бинарными, их функция заключается в соединении двух ядер.

В современной науке существует ряд подтверждений того, что теория риторической структуры в значительной степени моделирует реальность и представляет собой важный шаг в понимании того, как устроен дискурс.

3.2. Моделирование как основной метод исследования событийности

Моделирование ментальных репрезентаций событий, процессов, ситуаций представляет собой одно из актуальных направлений когнитивной лингвистики. В настоящей статье предпринимается попытка изучения механизмов формирования ментальной репрезентации события с помощью широко используемого в настоящее время метода моделирования: рассматриваются суть процесса моделирования и область его

применения в современных лингвистических исследованиях, описывается специфика событийного концепта как формата знания, обозначается связь событийного концепта с другими форматами (сценами, фреймами).

В современных естественных и гуманитарных науках моделирование понимается как метод познания действительности, конечным результатом которого является построение упрощенной модели с целью более глубокого понимания объекта исследования, в особенности недоступного непосредственному наблюдению, упорядочивания его свойств в определенную структуру, установления тождеств и различий между однородными и разнородными элементами и т.д. Модель, таким образом, является универсальным инструментом научного познания, способствующим созданию идеализированной проекции изучаемого объекта и позволяющим прогнозировать его развитие и перспективы изучения. Характерной чертой модели считается ее наглядный характер, проявляющийся в наличии некой обобщенной схемы, включающей в себя максимум компонентов, образующих ее структурное наполнение. Однако конкретная реализация модели не обязательно охватывает все ее элементы, а лишь некоторые, заданные необходимыми и допустимыми условиями ее реализации. В процессе моделирования исследователь имеет дело с заменителем исследуемого объекта - оригинала; с помощью данного метода можно изучать сложнейшие объекты, рассуждать об абстрактном, как если бы речь шла о чем-то конкретном и доступном непосредственному наблюдению.

Моделирование и изучение когнитивных моделей, связанное с попыткой объяснения механизмов мышления и формирования и функционирования концептуальной системы, представлено в работах. В данных исследованиях под моделью понимается структурная организация знаний, выступающих в форме различных ментальных репрезентаций: категорий, фреймов, скриптов, сценариев, образов, картин, гештальтов, концептов и т.д. Структура модели в свою очередь детерминирует способ связи между элементами внутри нее. Построение модели ментальных репрезентаций предполагает конструирование системы лексических значений на концептуальном уровне.

О видах ментальных репрезентаций написаны работы как в психологии, так и в лингвистике. Разнообразие ментальных репрезентаций обусловлено различной структурной организацией познаваемых объектов: материальностью / идеальностью, конкретностью / абстрактностью, одномерностью / многомерностью и т.д.

Ментальное представление события (ситуации, процесса) представляет собой событийный концепт, обладающий определенной спецификой, которая должна учитываться при его моделировании.

Во-первых, это сложное ментальное образование, которое характеризуется наличием заданного количества элементов и связей между ними, другими словами, это структурированная единица знания, в которой, помимо участников и обстоятельств протекания события, существуют разнообразные связи между его элементами (не только субъектно-предикатные, но и причинно-следственные, пространственно-временные и т.д.).

Во-вторых, важной чертой событийного концепта является его временной аспект. В когнитивной психологии различаются схемы сцен (фреймы) и схемы событий (сценарии, скрипты); схемы событий отличаются от схем сцен решающим значением временного измерения. Строго говоря, выделение события (ситуации, процесса) как отдельной сущности из пространственно-временного континуума обусловлено человеческой способностью к противопоставлению фона и фигуры, связанной с фиксацией изменений координат события: перцептивно воспринимаемых и анализируемых человеком свойств, пространственных границ, ролей участников, степени глубины познания объекта и т. д. В этом смысле концепты ситуаций также являются разновидностью событийного концепта, отличающегося от других ментальных репрезентаций динамическим характером.

С лингвистических позиций событийный концепт может быть изучен путем построения его модели: процесс моделирования основывается на анализе языкового фрагмента, в котором содержится информация о событии (ситуации, процессе). Ситуация познания, вербализованная в языковых структурах, может быть использована в качестве материала для описания этапов рассматриваемого метода. Как правило, каждый последующий этап является логическим продолжением предыдущего, а последовательность действий при этом предполагает как получение результатов, так и их интерпретацию, завершающуюся построением модели изучаемого ментального явления.

Моделирование событийного концепта включает в себя четыре основных этапа.

Первый этап заключается в расчленении языкового фрагмента на более мелкие части, содержащие целостные смысловые сгустки в виде лексических значений слов, усвоенных человеком. Каждое слово обладает лексическим значением или несколькими значениями, актуальное из которых выбирается путем

анализа общего контекста.

3.3. Событийные модели в политическом дискурсе

Политический дискурс представляет собой явление, которое имеет большее частотное проявление по сравнению с другими типами дискурсов в социуме. В связи с этим феномен политического дискурса не может иметь однозначного определения, так как, во-первых, сама категория политики в настоящее время не обладает четкой дефиницией, во-вторых, выделение политического дискурса по совокупности лингвистических признаков не представляется возможным.

В политологических работах под политикой часто подразумевают набор некоторых действий, направленных на распределение власти и экономических ресурсов в какой-либо стране. Этот официальный уровень политики включает в себя средства массовой информации, систему образования и все те социальные институты, которые контролируют явления социальной жизни. Термин политика включает в себя деятельность государственных органов, объединений граждан и отдельных лиц в сфере отношений между государствами, нациями, большими группами людей, которая направлена на реализацию, отстаивание своих интересов и связанная со стремлением к завоеванию и использованию власти. Основным критерием для выделения политической коммуникации служит тематический и целевой определитель «борьба за власть».

Стратегии власти формируются, как коммуникативные стратегии и направлены на такую организацию коммуникативной среды, в которой коммуникативный процесс был бы обусловлен правилами и границами смыслового порождения главенствующего дискурса. То есть политическая коммуникация представляет собой любую передачу сообщений, которая оказывает влияние на распределение и использование власти в обществе. Особенно если эти сообщения исходят из официальных правительственных институтов.

Одна из важнейших черт политического дискурса заключается в его институциональности. Политический дискурс образует «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освещенных традицией и проверенных опытом. Значимым представляется семиотический подход к рассмотрению и определению политического дискурса. В этом подходе политический дискурс представлен как своеобразная знаковая система, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий.

Политический дискурс - это институциональное общение, которое, в отличие от личностно-ориентированного, использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков.

Существуют предположения, что для языка политики характерно его специфическое содержание, а не форма. В языке политики может отражаться особая ментальность народа, а в некоторых случаях и его идеология. Также существует мнение об особом положении грамматического строя политического языка, таких как устранение лица при помощи номинализованных конструкций-девербатов и безагенса пассива, инклюзивное использование личных местоимений мы, наш. Эти грамматические особенности, в отличие от специальной лексики, не являются чертами, присущими исключительно политическому дискурсу, так как данные формы и конструкции используются и в других видах коммуникации.

Рассмотрение политического дискурса не представляется возможным без изучения его функций.

Функциональный подход к изучению дискурса предполагает обусловленность анализа функций дискурса изучением функций языка в широком социокультурном контексте. Исходя из целевой направленности, основной функцией политического дискурса можно считать его использование в качестве инструмента политической власти. Политический дискурс служит для достижения власти, борьбы за власть, ее сохранения, осуществление, стабилизацию и перераспределение. Данная функция по отношению к языку настолько же глобальна, насколько коммуникативная функция всеохватывающа по отношению к языку. В связи с этим, она предлагает дифференцировать функции языка политики в качестве аспектных проявлений его инструментальной функции по аналогии с тем, что все базовые функции языка рассматриваются как аспекты проявления его коммуникативной функции.

Выделяется конфликтный характер политического дискурса, он призван выполнять многие функции.

Например, персуазивная функция политического дискурса реализуется во время агитации, убеждения, пропаганды правильности партийной программы. Аргументативная функция отражается в очевидной связи каждого и конкретного пункта программы с убедительной идеологией данной партии или группы. Каждое требование, каждый поступок должны быть связаны с ценностями, традициями и идеологией.

Можно назвать четыре типа функций политического дискурса. К первому типу они относят «принуждение»,

которое реализуется через приказы или законы. Политические деятели часто действуют принудительно посредством дискурса, определяя вопросы, выбирая темы в разговоре, позиционируя себя и других в определенных отношениях, делают предположения о реалиях, которые слушатели должны, хотя бы временно, принимать для восприятия текста. Ко второму типу они относят «сопротивление, оппозицию, протест». Данная категория противопоставлена функции «принуждения» и реализуется в противовес отношениям власти через такие лингвистические проявления как петиции, прошения, слоганы и т.п. К третьему типу относится, так называемая «симуляция». Она связана с контролем над информацией, так как сочетает в себе эффекты дефокусирования «нежелательных мест» посредством эвфемизации исходных данных или непосредственное инвертирование исходных данных. Легитимизация и делигитимизация относятся к четвертому типу функций политического дискурса. Легитимизация взаимосвязана с функцией принуждения, так как она способствует реализации механизма повиновения. Среди наиболее часто используемых техник данной функции можно привести такие как: апелляция к желаниям избирателей, упор на общие идеологические принципы, проекцию харизматического лидера или на позитивную самопрезентацию.

3.4. Основные событийные модели в современном англоязычном и русскоязычном политическом дискурсе: описательный и сопоставительный анализ

Материалом для анализа послужили англоязычные политические тексты с описанием событий начала XXI века. В политическом тексте должны быть представлены хотя бы в элементарном эксплицитном или опосредованном отражении онтологические категории действительности: объекты живой и неживой природы, акциональные (деятельностные) и аксиологические аспекты действительности с учетом их смысловых взаимосвязей в координатах пространства и времени. Исходя из процессуальной природы дискурса как феномена, воплощающего изменчивость, в контексте исследования дискурсивной категории телеологичности в постнеклассической парадигме уместным представляется привлечение понятия монадности.

Монадность отражает динамизм и основывающуюся на вероятностных принципах вариативность осмысления действительности через призму этической составляющей дискурсивных процессов в виде «отрицания всяческой абсолютизации», когда сама «монадность становится принципом духовности». Привлечение принципов монадной репрезентации процессов смыслообразования в англоязычном политическом дискурсе предусматривает опору на метасемиотическую функцию реальной действительности (иными словами, выход во внетекстовое семиотическое пространство), что предоставляет возможность отразить атрибуты динамизма и вероятности, характерные для реализации категории телеологичности в англоязычном политическом дискурсе.

Вариативность субъективных истолкований фактов действительности в англоязычном политическом дискурсе дает основания для постулирования гипотезы относительно того, что образы, генерируемые языковыми репрезентациями фактов действительности, имеют телеологическую детерминированность и организуются в целостные единства с изменчивой структурой (нечеткие множества).

Соответственно, реализация семантического потенциала англоязычного политического текста при его восприятии и осмыслении осуществляется в виде подчиненной текстовому концепту агрегации номинаций фактов текстуально отраженной действительности в монадоподобные семиотические единства (множества). Целостность этих единств, с одной стороны, обеспечивается телеологическим феноменом интенциональности восприятия, обуславливающим целесообразную селективность отражения текстуально отраженной реальности и агрегацию номинаций фактов действительности в единства, и, с другой стороны, способностью упомянутых семиотических образований выполнять функцию асинтаксического телеологического объяснения] и аргумента относительно ценностно-целевой валидности актуализации текстового концепта как финальной цели дискурсии.

Осмысление фактов действительности, представленных в политическом дискурсе, предполагает смыслообразование, атрибуцию (приписывание) им смысла в виде выхода за пределы лексикографически зафиксированной семантической структуры номинаций и канонических поверхностных смыслов лексико-синтаксических структур. Смыслообразование неотделимо от образности как одного из важнейших аспектов восприятия текста. В этом контексте важно отметить, что формальная логика определяет образ на первом уровне чувственного познания как совокупность ощущения, восприятия и представления; на втором, абстрактном уровне осмысления действительности, образ приобретает форму суждения,

умозаключения и понятия.

Анализ фактического материала позволяет предположить, что именно формирование суждений, умозаключений и понятий отражает процесс и результат смыслообразования в англоязычном политическом дискурсе как телеологически детерминированной коммуникативной деятельности, которая сосредоточена на формировании умозаключений относительно ценностно-целевой составляющей текстового концепта, актуализация которого представляет собой воплощение финальной цели дискурсии. Первый чувственный уровень познания в парадигме телеологической лингвосомиотики при осмыслении англоязычного политического текста обретает квазиперцептивную сущность в соответствии с законами синестетического изоморфизма.

Рассматривая динамические аспекты поэтики текста, применяют родственное смыслообразованию понятие текстопроизводства. Хотя телеологическую лингвосомиотику как область языкознания можно рассматривать как составную часть поэтики, воплощающей гармонично сбалансированный процесс творения и порождения текста, и исследующей средства актуализации неявных смыслов, необходимо отметить, что цели телеологической лингвосомиотики несколько уже, она сосредоточена на ценностно-целевых аспектах применения этих средств.

Политический текст в данном исследовании рассматривается как семиотическое пространство, которое отражает идеальный ценностно-целевой образ действительности в виде финальной цели коммуникативной деятельности в сознании автора. Индивидуально-авторский образ действительности в политическом тексте подлечит вторичной семиотизации (означиванию) в процессе восприятия реципиентом-читателем. Особенности восприятия текстуально отраженной действительности зависят от ценностно-целевой системы адресата (телеологической доминанты) вплоть до полного неприятия концепта-идеи, постулируемой автором.

Литература по главе

1. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. - С. 18-36.
2. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 1. - М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. - 448 с.
3. Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка. - М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. - 303 с.
4. Кравченко А.В. Является ли язык репрезентационной системой? // Studia Linguistica Cognitiva. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. - М.: Гнозис, 2006. - С. 135-156.
5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2007. - № 4. - С. 8-16.
6. Нефедова Л.А. Когнитивный подход к интерпретации текста: учеб. пособ. - Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2003. - 176 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. - Воронеж: Истоки, 2006. - 226 с.
8. Ремхе И.Н. Статус модели в лингвистических науках и ее реализация в когнитивном моделировании языка // Вестник Челябинского государственного университета. - 2007. - № 8. - С. 94-98.
9. Романова Т.В. Структуры и модели в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Выпуск 11: сборник материалов (Тамбов, 10-12 окт. 2012 г.). - Тамбов, 2012. - С. 183-186.

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой: <https://stuservis.ru/glava-diploma/13906>